

ПИСЬМА ТЕМНЫХ ЛЮДЕЙ III

О героях литературного андеграунда

Неизвестный наш газетер. — 2000
— 22 сент., — с. 13

Олег Дарк

В ПРОДОЛЖЕНИЕ «Писем темных людей» (см. «Кулиса НГ», № 2 и 7, 2000) вот еще герой, как положено, один. Или — в одиночестве. А оттого виден лучше. Мне хочется сказать «слово» в защиту незначительного поступка. В свершениях мы всегда приподняты, рисуемся на подиуме. А в «малых делах» нас как будто никто не видит. (А я вижу, вижу!) Портретист прежде всего подглядыватель. Писатель не может же быть одним за письменным столом, а другим — на овощном рынке. В пристрастии к лыжам или портвейну проявляется та же «стилистика», что в выборе жанра.

ЗАЩИТА ЗУФАРА

Я боюсь органических талантов.

Лев Рубинштейн. Из беседы

Литературная судьба Зуфара Гареева сложилась счастливо. Одним из первых в «новой» прозе конца 80-х — начала 90-х появившийся в критических откликах и обзорах, он с тех пор еще долгое время занимал постоянное место в перечнях имен современной литературы. Сейчас к литературной деятельности и образу себя как писателя Гареев не проявляет интереса. Будь у нас что-то подобное «литературному миру», кто-нибудь непременно написал бы: «литературный мир был потрясен тем, как Зуфар Гареев оставил литературу». Сначала в качестве сотрудника популярного еженедельника «Мегаполис-Экспресс», затем — редактора, риайтора и автора в скандально известной эротической газете «Еше».

«Чистота» определяет образ жизни и творчества Гареева. В том смысле, как говорят о «чистоте жанра», «чистой линии» или «чистом выигрыше». Ближе всего к ней относятся три предмета, из которых литературе принадлежит лишь последнее место. Два других — теннис (не единственная «набоковская» ассоциация в связи с Гареевым) и бане. Ради них только и можно отказать от любого дела или траты (корт стоит денег), встать рано утром или перенести встречу или поездку.

Можно заметить, что баня и теннис объ-

единяются в отношении к телу. Тело промывается (потом, как и водой), раскрывает поры, становится легче. (Освобождение, очищение — обыкновенная функция литературы.) Душ — такая же принадлежность корта, как пот — бани. Жар, внутренний и окружающий (уже заключающий в оболочку, обволакивающий), объединяет динамическое и статическое состояния тела. Еще более их сближает *ощущение* тела. Нежашегося. Самой неги. уже отвлеченной, абстрагированной от тела. Неги как сущности.

Мне всегда казалось, что среди литераторов андеграунда вахтеров и сторожей больше, чем дворников. Сторожение имеет то преимущество, что не требует перерыва в литературной работе, а только переносит ее в другое пространство. Здесь важна неподвижность, неизменность пишущего тела. А Зуфар был дворником. Возражая мне, он спрашивал обескураженно: «Но разве бы ты не хотел нарастить мышечную массу?» Он имел в виду не результат, а само ощущение растущей мышцы.

Уборка снега или листьев лишь иная, чем в литературе, форма переживания движения — со скрипом ног раннего прохожего, клонящимися деревьями и холодящим, подморозенным воздухом. В то время как тело пышет жаром. Жар защищает от холода. От того и другого краснеют щеки, быстрее сокращаются легкие, как у его измученной девственностью героини из рассказа «Подражание лету». Мне всегда больше нравились у Зуфара рассказы вроде этого. Когда я его вспоминаю, то все перипетии (впрочем, простые) сюжета заслоняет образ бегущей к вокзалу, запыхавшейся, дрожащей от возбуждения девушки с сиренью в волосах. Она и с девственностью не расстается, чтобы сохранить возбуждение. Это рассказы про незаконченное, продолжающееся усилие. (Они составили крошечный сборник «Про Шекспира».) Вот и в «Аленьком цветочке» ни к чему не приводит латентное влечение двух парней, и тоже один уезжает.

В пору повального в литературе увлечения эротикой Зуфар ее чуть ли не судорожно избегал. «Ты знаешь, а мне нравится избирать, когда еще ничего не произошло, а только готовится, вот-вот уже. Но не

происходит», — объяснял он свое удержание, затягивание сюжета, как до этого любовь к дворничьей работе. Хотя, возможно, эти рассказы менее совершенны (и именно из-за остающегося у читателя ощущения неудовлетворенности, словно передались чувства героев), чем принесшая ему признание «мультипроза» (название и произведение, и вида гареевской прозы).

Теннис «выбран» не случайно. Он всегда покажется профану почти скучным (немного похоже на дискретную киноленту). Так переживание удовольствия от физического усилия замедленно по внутренней природе, редуцирует неразличимую динамику к сумме следующих друг за другом движений. Затем — слишком сложным по правилам, композиционно. И, наконец, с той степенью предсказуемости, заданности, какой не бывает в хоккее или футболе.

Загадочного для непосвященных *порядка* будет Гареев искать позднее, уже сотрудничая в популярных газетах, в составлении для них кроссвордов (набоковских крестословий), ставшем его любимой работой. Ему просто нравится — в сочинении рассказов ли, кроссвордов или газетных полос — менять элементы местами, добавлять или связывать их и получать из одного другое.

Но я никогда не слышал, чтобы Зуфар *смотрел* соревнования по теннису. Они не были темой разговоров, как собственное участие в игре. Это оттого, что для него только и имеет значение пребывание среди самих движений. «Да ведь все равно напишешь, что тебе положено. Я иной раз напишу один абзац за весь день и отложу на неделю, и меня это не беспокоит», — объяснял он *удовольствие от задержанных движений*.

Это «история про то, как Зуфара Гареева избили и ограбили» — эпизод, совпавший по времени с его литературной абстиненцией. (Здесь именно больше многозначительного совпадения, чем прямой последовательности.)

Однажды Зуфар возвращался после какой-то презентации. Литературный приятель и известный человек подвозил его на машине. Он предложил подехать к самому дому, но Зуфар сказал, что лучше проедет. Они остановились на автобусной оста-

новке, приятель уехал, Зуфар был, конечно, несколько навеселе. Что там произошло, мы никогда не узнаем. Очнулся он в одних носках и с полностью выбитыми зубами... Жена открыла дверь. Он был гол, окровавлен и плакал от обиды на пороге своего дома — все три состояния тела, которое он любил, естественно воспринять как метафору. Современный мир плохо расположен к эстетическим отношениям к действительности. Зубы Зуфар вставил.

Движение имеет две особенности. Оно помнится. Поэтому мы никогда не воспринимаем его изолированным. Память также приятна, заполняет промежутки между движениями, которые, таким образом, складываются. И это вторая их особенность. Так возникает *работа* — в смысле физики.

Чистой работой была для Зуфара литература. Не только в том смысле, что не грязная, как у станка (хотя и этот смысл присутствует как производный). А работа сама по себе и в самой себе, идеальная, не зависящая от материала или продукции. Не знаю, как возникло это восприятие, скорее всего, еще в Литинституте, куда Гареев попал чуть ли не случайно, из армии или по какой-то другой региональной разрядке. Переезд и поступление явились для него разрывом, историческим и географическим (в «родных» местах он, кажется, больше ни разу не бывал). А значит, от нас скрыт первый по порядку переворот в жизни Гареева.

Эстетство Зуфара Гареева — физиологическое, каким оно только и может быть у башкира или татарина. Образованный, «культурный», он сейчас же автоматически становится эстетом. В русском рассудочном человеке эстетство приводит к ломаным линиям и острым углам, как на альтмановском портрете Ахматовой. Говорю только о постановке телесных движений. А в теле татарина или башкира линии эстетства закругляются, струятся и волнуются.

Однажды приятель попросил Зуфара помочь оклеить комнату. Разумеется, вышло наоборот приятель подавал и помогал, а Зуфар примеривал, что-то подрезал, опять прикладывал, оглаживал, трогал и

Зуфар Гареев.

касался свежей и влажной кожи стены. Это был спектакль, который устраивали его пальцы. Так ласкает глину скульптор, или художник подправляет пальцами непросохший холст, или позднее, уже сотрудник популярной газеты, перебирал Зуфар черно-белые клавиши свежкупленного синтезатора. Работа затянулась:

устав и жалея Зуфара, приятель сказал, что *ладно, остальное он сам доделает*. Но Зуфар все медлил, жалея бросать. А ушел, оставив не заклеенный квадрат над дверью, словно не решившись на последний завершающий мазок.